

ТЕАТРАРИУМ

В среде русских эмигрантов он как белая ворона в серой пощипанной стае. Неизменно прямая спина, элегантные манеры и обязательно шейный платок — каждый день свежий. Ни дать ни взять — граф, лорд... Но этого седого господина здесь все зовут князем, хотя княжеское происхождение никакими бумагами не подтверждено. Жоржу Андгуладзе сейчас 84. 80 из них он живет в Марселе и представляет почти вымерший слой бывших — первых русских эмигрантов во Франции.

ЖОРЖ - МАРСЕЛЬСКИЙ

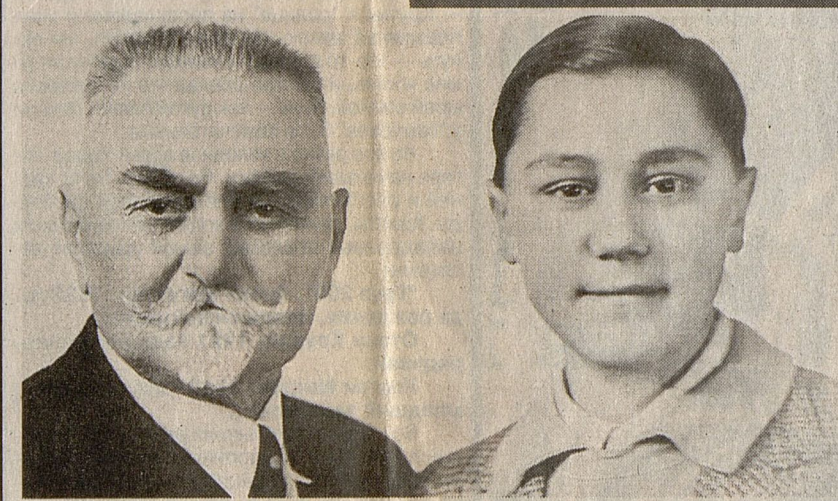
Серый двухэтажный дом на улице Пьера Дуаза недалеко от центра Марселя, а на нем табличка — "Лиговка, 37".

— Ну вот, видите, это мой дом, — говорит он мягко, но не по-кошачьи вкрадчиво, — проходите.

Прохожу. Мимо снуют какие-то люди. Женщины у стола режут овощи, от плиты валит пар. В гостиной — самовар, ложки расписные, канделябры, рушники: не дом, а музей народного творчества.

— Сколько у нас гостей будет? — спрашивает князь. — 25? Очень хорошо.

И что интересно, все соглашается: в самом деле хорошо — 25. А еще

Два Георгия: отец и сын Андгуладзе.

лучше — 35, 40. Его домочадцы, похоже, смирились со своей незавидной долей: в течение апреля каждый год принимать здесь оравы соотечественников, приезжающих на фестиваль русского искусства. Несколько лет Жорж Андгуладзе проводит этот фестиваль. Говорит, что целый год ждет как манны небесной приезда русских артистов.

— Ведь целый год с одними французами общаюсь. Я чувствую себя здесь как иностранец.

И.
Если бы не Октябрьский переворот 1917 года, то Жорж теперь был бы жителем Грузии. Именно из Узургента — его отец, генерал-лейтенант царской пехоты. Воевал в Первую мировую, после 17-го оказался в Турции среди остатков экспедиционного корпуса. Союзники готовили русских офицеров для удара по красным, но генерал Андгуладзе не захотел стрелять в своих, послал всех к черту и с женой и маленьким сыном перебрался в Марсель.

— Но поскольку отец мой и мать никогда не работали, а только командовали, то здесь им пришлось трудно. Отец устроился грузчиком на сахарный завод. Вместе с ним мешки таскали все его офицеры. А мама — урожденная дворянка — научилась шить и стала приличной портнихой. Жила, между прочим, долго, до 93—95 лет. Почему так неточно? Я ее обычно спрашивал: "Мама, сколько тебе лет?" — "Молчи. Неприлично задавать женщине такие вопросы".

Генерал-лейтенант имел репутацию любопытну: гордый, честный, но бабник. Вот доказательство первого — когда бывший председатель Временного правительства Керенский приехал в Париж и объяснял в собрании своим соотечественникам, что не мог поступить иначе (распустить правительство, в женском платье бежать из Петрограда), то Андгуладзе встал и громко припечатал: "Вы — подлец и не имеете права тут находиться". Его друзьями были генерал Кутепов, Миллер.

— Но они были похищены. Кем? Отец никогда мне об этом не говорил, хотя знал. А я знаю, кто из грузин во время Второй мировой войны во Франции пошел служить в гестапо. Но никогда этого не скажу.

Маленького Жоржа родители отдали в кадетский корпус в надежде воспитать из него потомственного военного. Жорж отлично помнит и директора первого корпуса для русских мальчиков Римского-Корсакова, уроки фехтования и коллективное пение "Боже, царя храни". Говорит, что годы, проведенные в корпусе кадетов, привили ему любовь к России, о которой он не имел представления: родился в Стамбуле, вырос во Франции.

— А разве в семье вам не рассказывали о родине?

— Нет. Отец после того, как мы бежали, стал будто немой. Ничего не рассказывал. А мама почему-то любила вспоминать, как в своих поместьях в Крыму шутя была нагайкой крестьянок и заставляла их плясать. Бедовая была, но я нахожу, что это не очень, знаете ли... Корпус меня воспитал русским.

— А вы фехтуете?

— Как любитель. Очень долго этим занимался.

Князь при этих словах подтягивается и делает выпад правой рукой с воображаемой шпагой. Ах, князь, как бы вам пошла шпага с дорогим эфесом, плащ и, может быть, даже шляпа с перьями. Но... Не те времена, и он занимается совсем не княжеским делом — встречает, размещает в гостинице и провожает русских артистов, как администратор. Впрочем, таких элегантных администраторов я не встречала.

II.

До приезда следующей партии русских артистов из Перми со странным мюзиклом "Властелин площади" есть пара часов, и мы сидим на набережной, просоленной брызгами волн и пахнущей рыбой. Шалопутный портовый Марсель похож на подгулявшую матросню — свободный, отвязный, с салыными шутками. Вот к нашему столику

КНЯЗЬ - НАСТОЯЩИЙ

под-

скакивает загорелый официант и вместо "Чего желаете?" спрашивает:

— Вы немцы? — и, не получив ответа, тут же: — Как по-немецки сказать "Я хочу с вами переспать"? Это вчера я хотел спросить у австрийки, которая проходила с собачкой. Собачка — ни при чем. А австрийка — конфетка!

И все вокруг ржут и обсуждают, как бы это полочечку предложить интим по-немецки.

— Вот мой отец был фантастический бабник, — говорит Жорж, затягиваясь сигаретой.

— Мне рассказывали его бывшие сослуживцы, что, когда он кого-то из них распекал, то один подходил к окну и задумчиво так произносил: "Ой, какая красивая девочка". — "Где?!" — кричал мой отец и пулей несся на улицу. Наверное, я весь в него. Люблю, когда рядом красивая женщина...

Конечно, можно и дальше развить и углубить тему дамских прелестей вокруг его сиятельства князя Андгуладзе, но теперь меня больше интересует его общество со столь общим названием "Русско-французский союз". Он создал его и зафиксировал на бумаге в середине 90-х, аккурат когда железный занавес окончательно проржавел, и бывшие советские граждане в разном качестве устремились на Запад, в частности во Францию, в том числе и в приморский Марсель.

— Сначала приезжали из России ученые в наш исследовательский центр. Меня просили переводить, я помогал. Русских становилось все больше, и французы мне сказали: "Создай ассоциацию, может, город поможет". Я создал.

На обычном листке кратко изложены цели и задачи княжеского общества с общими глаголами: помогать, укреплять, развивать... Но в отличие от подобных структур, коих на территории Франции немало, эта — особенная. Чем?

Мимо с воем просвистела пожарная машина, а Жорж пояснил, что в Марселе пожарные — только моряки.

— Это с тех пор, как несколько лет назад на Канабьер, главной улице Марселя, загорелся универсам. Выгорел почти дотла, потому что пожарные не успели приехать. И тогда мэр разозлился, всех уволил и сказал, что с этого дня бороться с огнем будут только те, кто умеет обращаться с водой, — моряки.

III.

— Мсье Жорж...

— Просто Жорж. И прошу, только на "ты", — говорит он.

С князем — и на "ты"? Да это какое-то амикшонство выходит. Но он настаивает. Вид у него как будто с портрета начала эпохи: прямая спина, благородный взгляд, элегантно отводит руку с тонкой сигаретой. И шейный платок — сегодня вишневым, в золотой рисунок, а вчера была синяя бабочка.

— Я очень люблю бабочки. У меня их, наверное, штук пятьдесят. Но знаешь, сейчас большая проблема, даже во Франции, купить бабочку не на резинке, а которую завязывают. Нет, я ношу их вовсе не только по праздникам. Каждый день надеваю.

Мсье Андгуладзе:

"Жду русских как манны небесной!"

— Может, вы и танго танцуете?

— Откуда ты знаешь? Очень люблю. Особенно когда хорошая партнерша, которая тебя чувствует.

— Какие еще пристрастия у русской аристократии?

— Ничего особенного: стиль — классика, люблю удобную обувь, ну про бабочки я говорил. Про девочек — тоже. Я скажу тебе принцип моего отца и, значит, мой: если ты имеешь привилегии по рангу, то помни, что обязанности у тебя гораздо больше, чем привилегий.

— Кого вы помните из русской эмиграции первой волны? И как они общались между собой?

— Помню немногих. Между Марселем и Тулоном жил Юсупов. Вел замкнутую жизнь, и я знаю только, что они с женой разводили собачек. А в Париже, когда я приезжал к отцу, встречал одного из Оболенских: этот молодой человек работал водителем автобуса. До войны в Марселе был союз бывших воинов. Я часто ходил туда, так как был сыном генерала, и они меня приглашали. Еще было морское собрание, где собирались офицеры флота. Устраивались вечеринки, были хорошие отношения, все-таки мы были в одном кругу. А после войны появились ассоциации "Франция—СССР", но я даже не хотел их знать: они советские были.

IV.

Говорит он по-русски, но так, как уже не говорят даже в России: очень правильно, неторопливо, четко и с достоинством. Мы общаемся вот уже три дня. Я наблюдаю за ним и чем дальше, тем больше понимаю про его обязанности и привилегии, которые смешались и перепутались, как нитки в мотке. У меня складывается впечатление, что его главная обязанность — содержать и терпеть у себя на шее огромное количество людей: очень разных, очень странных и даже подозрительных. Его марсельский дом на Лиговке, 37, похож на богадельню, где нашли приют те, кому нигде есть и нигде спать. Его адрес передают, как эстафету, друг другу граждане со всего постсоветского пространства.

— Почему вы выпускаете в свой дом незнакомых людей?

— Мне их жалко. Когда мы с родителями приехали в Марсель, у нас здесь никого не было. И я не забыл, как было тяжело отцу и матери. Нет, у них не было сбережений: все бросили, когда бежали из России.

— Сколько примерно русских жили у вас?

— За эти годы, я думаю, не менее двухсот человек.

— Интересны ваши наблюдения относительно эмигрантов последних лет.

— Очень разные. Если раньше ехали те, кто не мирился с советским режимом, то теперь в основном приезжают за лучшим куском. Есть разочарования. Два года назад двое с Украины обокрали меня. Но что же делать? А вот я расскажу тебе историю: несколько лет назад у меня жили два брата — странные парни, про таких говорят "подозрительные". Один

сказал: "Работа есть в Канаде. Но денег нет". Я купил им билеты на автобус, сказал, как с пересадками добраться до Канады. Они уехали, я о них даже забыл, но они вдруг прислали письмо, где благодарили. А некоторые — без всякой благодарности.

Я в Экс-Сан-Прованс (полчаса езды от Марселя) устроил одного человека. На хорошие условия, между прочим: француженка, хозяйка дома, кормила его, работал он фиксированное время. И вдруг она мне звонит: "Жорж, я попросила Ивана прийти на два часа раньше, надо было встретить машину с землей для сада, так он меня обругал и пригрозил обратиться в профсоюз, потому что я нарушаю его трудовые права". Она чуть не плакала, потому что почувствовала свинскую неблагодарность за хорошее отношение. Я вызвал его: "Ты не человек, ты — собака", — сказал ему и не стал продлевать ему документы. "Собака" — это самое крепкое ругательство князя. Мата он не признает.

Он рассказывает историю за историей, и флер эмиграции меркнет.

— Я им всем говорю: "Вы — изменники. Россия возрождается. А человек, который удирает, — он кто? Изменник, конечно".

— Но ведь вы тоже удрали?

— Нет, это разные вещи. Мой отец с оружием в руках готов был биться против большевиков. И вернуться я не мог, поскольку нас ждала бы смерть.

— Но теперь имеете все шансы вернуться.

— Мне предлагали. Я нахожу, что это неправильно: лучше я буду здесь для вас все делать, чем там стану одним из...

С набережной виден замок Иф, где много лет томился плод неукротимой фантазии Дюма — моряк Эдмон Дантес, ставший богатым графом Монте-Кристо. К замку каждый час ходят катера, и туристы в восторге, как ловко поставлено музейное дело.

Князь Жорж хоть и из бывших, но не унаследовал ни замка, ни неометных капиталов. Лишь — под стать: Георгий — Георгиевский крест от отца. Живет на французскую пенсию — 1500 евро, на которую содержит всех обитателей дома на Лиговке. В настоящее время кроме Жоржа и его жены Тамары здесь имеют кров и стол украинец Сергей, армянин Гоча и грузин Арчил. Право на работу только у хохла, остальные существуют благодаря поручительству и содержанию его сиятельства. Каждый день они вместе садятся за стол, и меня удивляет, что князь не гнушается этого.

— Ну что же в том? Никогда нельзя показывать разницу в происхождении: надо быть со всеми равными. Чтобы человек, с которым ты общаешься, не ощущал себя ниже классом. Не почувствовал, что у тебя есть больше, чем у него. Даже если это правда. Хотя, как правило, заносится те, что ничего не имеет. Таких русских знаешь среди эмигрантов хоть отбавляй. И трех лет не прожили во Франции, а говорят: "Ой, я забыла, как это по-русски". Это очень неприятно. Люди, которые у меня живут, я надеюсь, уважают меня и ничего себе такого не позволяют.

— А если позвонят? А если криминал?

— Я не хочу так думать. Хотя меня в полиции уже предупреждали. Сказали про одного: "Вы же за него поручались. Подумайте о своей репутации" — видите, как человек показал себя". Я-то вижу, но не от хорошей этой жизни.

— Ваше общество имеет кассу? Собирает взносы?

— Нет, у меня никаких сборов, взносов не существует. У меня вообще с деньгами отвратительные отношения, терпеть не могу бухгалтерию. Вот меня недавно выбрали старостой русской церкви. Но в Марселе православного прихода нет — служба проходит в помещении l'eglise orthodoxale, ой, извини — французской церкви. Ну какой староста без церкви? Занимаюсь тем, что сейчас хлопочу насчет земли. Кажется, получается.

Еще он занимается фестивалем. И фестиваль этот удивительно похож на своих организаторов. Как Жорж и его французский партнер Ришар Мартен — это театральное собрание, трогательное в своих романтических порывах и очень русское по организации: каждый занимается всем сразу и не всегда эффективно.

И тем не менее репутацию любопытно-го и полезного как для соотечественников, так и для французских фестивалей приобрел. Здесь уже играли свои спектакли московские коллективы и, что немаловажно, театры из российской глубинки. Мсье Жорж их встречает, устраивает в Марселе, работает переводчиком с утра до ночи, кому-то помогает. После спектакля в фойе театра Турски, где проходит фестиваль, переводит русские песни для французских и ложится спать на рассвете, пока все не утомится. Его сиятельство совершает собственный, вне коллектива и общества, заплыв по оказанию помощи своим соотечественникам. Я вижу, как он падает от усталости, но держится с военной выправкой и в свои 84 не собирается менять свои принципы.

— Я вижу, как вместе держатся армяне, евреи, но не из России, а из Северной Африки. Сильная греческая колония, а наши русские... Каждый сам по себе. Наверное, мы такие: когда я сделал первый прием в русском консульстве в 1992 году, то про меня говорили, что я — КГБ. Но я не КГБ, я — английская разведка.

— ???

— Это правда. Во время войны, когда меня как беженца не приняли во французскую армию, я с поляками работал на англичан. Ездил на велосипеде и отмечал на карте, где размещаются немцы. Но это совсем тебе не интересно. Это же не театр.

Марина РАЙКИНА,
Марсель—Москва.